

АСПЕКТЫ ФАНТАСТОВЕДЕНИЯ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ К ПРАГМАТИКЕ ЖАНРА

Зубов А.А.

*Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова,
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1*

e-mail: artem_zubov@mail.ru

поступила в редакцию 9 ноября 2015 года

Аннотация

Теоретическая метарефлексия в рамках фантаствоведения началась относительно недавно – только в середине XX века, однако она успела проделала во многом тот же путь, что и академическое литературоведение. В частности, фантаствоведение в его жанрологическом аспекте освоило основные теоретические подходы: эссенциалистский, структурный и прагматический подходы. В данной статье предлагается обратить внимание на набирающий силу в современном литературоведении прагматический подход, в рамках которого жанр изучается в его ориентированности на читателя, как индивидуального, так и представителя определенного читательского сообщества. Прагматика литературного жанра видит свою задачу в анализе механизмов рецепции жанра и функционировании жанрового имени.

Ключевые слова: *фантаствоведение, литературный жанр, жанрология, прагматика жанра, эссенциалистский подход, структурный подход, дискурсология.*

Введение. Долгое время изучение фантастической литературы и научной фантастики, в частности, в академическом сообществе представлялось явлением маргинальным. Однако в настоящее время изучение этой литературы становится значимой частью филологических исследований, а фантаствоведение занимает важное место в ряду других гуманитарных дисциплин, являясь по природе своей явлением междисциплинарным, открытым инновациям и творческим поискам.

В рамках фантаствоведения вопросы методологического и историографического характера в фокус внимания ученых попали совсем недавно. Участники фантаствоведческого сообщества нередко проговаривают, что наука о фантастической литературе долго отказывала себе в «роскоши» задаваться метатеоретическими вопросами и рассуждать о проблемах методах анализа материала. Последнее связывается с общим страхом создания истории литературы, доминирующим над литературоведческими дисциплинами в середине-конце XX века [1]. Пройденный фантаствоведением путь методологических поисков во многом повторяет искания классической академической науки с середины XIX века по настоящее время как в общетеоретических вопросах, так и в изучении природы литературного жанра. В академической жанрологии выделяют три основных подхода: эссенциалистский, или синтаксический (подход исторической поэтики), структурный (семантический) и дискурсологический (прагматический). Эти основные подходы были освоены фантаствоведением в аспекте жанра.

Основная часть.

Эссенциалистский подход в фантаствоведении. Как и в классической жанрологии, в рамках фантаствоведения наиболее авторитетным и востребованным является эссенциалистский подход. Исходной позицией этого подхода является представление о существовании имманентно присущей жанру содержательной доминанты, определяющей его историю. Таким образом, основной задачей этого подхода является поиск доминанты жанра – его универсальной дефиниции. Американский фантаствовед Пол Кинкейд красноречиво пишет: «В начале всего лежит определение. То, как мы понимаем научную фантастику, определяет поиск ее истоков. Более того, момент времени, куда мы помещаем начало жанра, неизбежно воздействует на восприятие его истории, что в свою очередь так же

влияет на понимание жанра. Это петля Мебиуса – определение воздействует на восприятие истоков жанра, что в свою очередь влияет и на определение» [2]. Таким образом, история фантаствоведения в целом может быть описана как история формально-содержательных определений жанра научной фантастики, ставших важной опорой для построения эссенциалистских описаний истории жанра.

Особый вес в академическом сообществе получило определение, предложенное в 1972 году фантастоведом Дарко Сьювиным. Сердце научной фантастики Сьювин видел в одновременном присутствии и взаимодействии в тексте остранения и познания, а ее единственный формальный прием он определял как повествование о воображаемом мире, отличном от авторского эмпирического окружения [3]. Определение Сьювина, не эссенциалистское по сути, стало, тем не менее, отправной точкой для конструирования истории жанра в американской традиции фантаствоведения с формально-содержательных позиций. Определение Сьювина показало, что жанр научной фантастики представляется явлением не локальным, зародившимся в популярных журналах в 1920-е годы в Америке, но общекультурным, берущим начало в литературе эпохи Возрождения и даже Античности. Так, Брайан Олдисс (1973) и Пол Алкон (2002) видят истоки жанра в литературе раннего романтизма и литературе эпохи Возрождения. Эверетт и Ричард Блейеры (1990), Брайан Стэйблфорд (2003), Джордж Слассер (2005) и Адам Робертс (2005) отсчитывают начало истории жанра от литературы Древней Греции.

В отечественном фантаствоведении изучение научной фантастики с позиций эссенциализма начинается в 1950-е годы и связывается с работами Е.П. Брандиса «Жюль Верн и вопросы развития научно-фантастического романа» (1955), Г. Гуревича «Карта страны фантазий» (1967), Б.В. Ляпунова «В мире мечты» (1969), А.Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (1970), В. Бугров «В поисках завтрашнего дня» (1981). Выделяя прогностический характер научной фантастики как ее содержательную доминанту, А.Ф. Бритиков видит истоки жанра в утопическом романе князя В.Ф. Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (1840) [4]. Писатель и критик Г. Гуревич в работе «Карта страны фантазий» (1967) усматривает родство научной фантастики с текстами Эдгара А. По, Вольтера, Свифта, Сирано де Бержерака, Т. Мора, Т. Кампанеллы и даже обнаруживает мотив «космического путешествия» в литературе II века н.э. в произведениях Лукиана [5]. Представленный подход составляет сильное направление современного отечественного фантаствоведения, в рамках которого продолжают выходить работы: см. к примеру, Г. Прашкевич «Красный сфинкс» (2007), С. Соболев «В иных временах» (2012).

Заслуга эссенциалистского подхода состоит в том, что он помог вывести научную фантастику из литературного «гетто» и вписать историю жанра в общий контекст мировой литературы, а также дать описание различных направлений внутри научной фантастики на основании общих формально-содержательных компонентов. В рамках эссенциалистского подхода также оформился список канонических текстов научной фантастики. Однако в силу своей всеохватности уже в настоящее время работы, выполненные в русле эссенциализма, все больше принимают форму обширных списков для чтения, нежели критической истории жанра [6]. В связи с этим возникла необходимость в создании нового инструментария анализа и классификации согласно структурно-функциональным критериям.

Структурный подход в фантаствоведении. Становление структурной парадигмы в фантаствоведении произошло в 1970-е годы. Работа Цветана Тодорова «Введение в фантастическую литературу» (1970), признанная в академической среде эталонным исследованием фантастики с позиций структурализма, вызвала возражения и критику со стороны сообщества исследователей научной фантастики. Так, в 1973 году в польском журнале «Тексты» писатель и ученый Станислав Лем выпустил статью «Фантастическая теория литературы Цветана Тодорова», уже в 1974 году статья была переведена на английский и появилась в журнале «Science Fiction Studies» [7]. Публикация перевода вызвала бурный спор, разгоревшийся на страницах журнала «Science Fiction Studies» за 1975 год, между апологетами Тодорова (Робертом Скоулзом и Ричардом Астлом) и С. Лемом [8].

Лем не соглашается с местом, отведенным Тодоровым в его теории научной фантастике. Для Тодорова «фантастическое» располагается в зоне колебания сознания «хладнокровного читателя» между естественным и иррациональным объяснением сверхъестественных событий. Научная фантастика, по мысли Тодорова, проистекает из иррациональной посылки, оформленной в логически выстроенное повествование, рациональность которого объясняется законами, не признаваемыми современной наукой [9]. Лем опровергает мысль Тодорова, заявляя, что диалектика взаимоотношений научных открытий и вымысла в научной фантастике несколько иная – научная фантастика «питается научными открытиями», а не спекулирует на заведомо невозможном [10].

Формулируя собственную структурную теорию научной фантастики, Лем усматривает сущность фантастичности в ее особой языковой модальности. В статье 1973 года «О структурном анализе научной фантастики» Лем сравнивает литературу с игрой, правила которой имеют прямое отношение к естественному языку, всегда ориентированному на мир реальных вещей. В литературной игре Лем видит два варианта правил: правила, которые осознают функции внешней семантики по ходу игры, и те, которые делают игру возможной. «Фантастические» правила, по мысли автора, относятся именно ко второму типу. Они представляют собой нечто вроде договора между автором и читателем, а особый набор правил применяется в описываемом художественном мире и обеспечивает его функционирование [11]. Автор разграничивает два возможных типа литературной фантазии: «предельная» (фантазия сказки или научной фантастики) и «проходящая» фантазия (к примеру, «Превращение» Кафки, в котором внешне «скорлупа» произведения оформлена фантастически, но «ядро» имеет определенно нефантастическое значение).

Изучение научной фантастики как особой языковой модальности стало базой для ее структурного анализа. Писатель-фантаст Сэмюэль Дилэни, а вслед за ним и ученые Брукс Лэндон (1997) и Карл Фридман (2000), предлагают прочитывать научную фантастику как «развоплощенную», или буквально понятую метафору. Немецкий исследователь романтической литературной традиции Ренате Лахманн красноречиво описывает модальность фантастического письма как «отказ от мимесиса» и «нарушение принятой логики и правил стандартной фикциональности» [12].

В отечественном фантастоведении структурный подход свое наиболее четкое оформление получил в исследовании Т. Чернышевой «Природа фантастики» (1984). Автор выделяет два типа фантастики: «формальную, стилевую фантастику» и «содержательную фантастику». Формальная фантастика рассматривается как самостоятельная область литературы, в которой фантастическое начало играет структурообразующую роль. В «содержательной» фантастике фантастичность приобретает характер элемента поэтики произведения. Фокусируя внимание на «содержательной» фантастике, ученый строит систему координат: на одной оси располагается тип повествовательной структуры (повествование с одной или со многими фантастическими посылками), на другой – «фактура фантастических образов» [13].

Влияние и авторитет в отечественном фантастоведении структурный подход получил благодаря исследованию Е.Н. Ковтун «Поэтика необычайного» (1999). Отталкиваясь от понятий о первичной и вторичной условности, исследователь предлагает рассмотреть порождаемые каждым типом условности модели реальности. Описание моделей предлагается проводить по следующим параметрам: специфика посылки, мотивация посылки, формы выражения необычайного («чудесное» в *fantasy*, «потенциально возможное» в рациональной фантастике и др.), образная система, пространственно-временной континуум, задачи и функции конкретного вымысла [14].

В рамках структурного подхода произведение рассматривается как отдельный замкнутый универсум, описываемый как особый набор или конфигурация художественных приемов. Взаимодействие текста и внешнего контекста (автора, адресата и ситуации) оказывается за рамками структурного подхода, однако попадает в фокус внимания прагматического подхода.

Прагматический подход в фантастологии. Прагматический подход в академической жанрологии оформился в 1980-е годы в русле неориторики, или дискурсологии. В рамках прагматического подхода исследователей интересует не соположение ряда текстов с целью обнаружить в них общие содержательные компоненты или дать структурное описание их составных частей (приемов), но ориентированность текста на аудиторию и механизмы его рецепции.

Прагматический подход в фантастологии отказывается от поиска универсальных жанровых дефиниций в пользу рассмотрения жанра как категории исторически изменчивой и динамичной, а, значит, и любое определение жанра (в частности, научной фантастики) является лишь фактом его конкретной, обусловленной историческим контекстом рецепции. Одно из наиболее точных прагматических определений жанра научной фантастики было предложено в 1956 году писателем-фантастом и критиком Деймоном Найтом: «Он [термин «научная фантастика» – АЗ] означает то, на что мы указываем, когда произносим его» [15]. В приведенной цитате значимое место отводится функционированию названия жанра – жанрового имени, выступающего в роли денотата для корпуса репрезентирующих его текстов – референтов жанрового имени.

В работе «Механизмы чуда» (1998) исследователь-фантастолог Гэри Уэстфал предлагает концептуальное разделение исторического жанрового имени (оно сопровождает произведение в момент публикации), и ретроспективного жанрового имени (приписывается произведению уже в ходе его рецепции литературными критиками историками). Таким образом, по мысли исследователя, появление исторического жанрового имени тождественно рождению нового литературного жанра [16]. Стоит отметить, что подобный подход представляется редукционистским, так как попросту исключает из истории жанра научной фантастики, к примеру, тексты Г. Уэллса и Ж. Верна, произведения которых при публикации не сопровождалось обозначением «научная фантастика». Тем не менее, изучение прагматики жанрового имени позволяет определять генезис жанра как акт жанровой номинации, активизирующий характеристики текста или набора текстов и акцентирующий их как жанроопределяющие. Таким образом, применение к текстам того или иного жанрового имени активизирует различные аспекты текстов и задает стратегии их чтения и интерпретации.

Исследователь Джон Ридер, автор знаковой для оформления прагматического подхода в фантастологии статьи «Определять жанр НФ, или нет» (2010), показал, что историческое изучение процессов жанровой номинации дает понять, что они осуществлялись не отдельным или условно коллективным читателем, но читателями-представителями определенных сообществ, опознающих жанр и наделяющих смыслом его жанровое имя [17]. Эти сообщества могут быть определены как дискурсивные сообщества – понятие, активно используемое в лингвистике и получившее популярность благодаря работе Джона Суэйлза «Жанровый анализ» (1990). Ученый выделяет три взаимосвязанных компонента: дискурсивное сообщество, организованное единством дискурса и механизмами его трансляции, коммуникативная цель, объединяющая участников сообщества, и репертуар жанров, через которые достигается цель сообщества [18]. Описание сообщества как дискурсивного на различных временных отрезках позволяет улавливать происходящие в нем изменения, что оказывается ценным для описания жанра в его динамике – как процесс оформления дискурса и обретения им жанрового имени.

Список литературы

- 1) Lockhurst R. Science Fiction and Cultural History // Science Fiction Studies. 2010. №110. P.9.
- 2) Kincaid P. What Is It We Do When We Read Science Fiction? Harold Wood: Becon Publications. 2008. P.15.
- 3) Suvin D. Cognition and Estrangement // Foundation. 1972. №2. P.6-17.
- 4) Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука. 1970. С.24.
- 5) Гуревич Г. Карта страны фантазий. М.: Искусство. 1967. С.17-20.
- 6) J.G. A New Fantastic Journey // Science Fiction Studies. 2008. №2. P.339-340.

- 7) Lem S. Todorov's Fantastic Theory of Literature // Science Fiction Studies. 1974. №4. P.227-237.
- 8) Scholes R. Lem's Fantastic Attack on Todorov // Science Fiction Studies. 1975. №2. P.166-167; Astle R. Lem's Misreading of Todorov // Science Fiction Studies. 1975. №2. P.167-170.
- 9) Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интел. книги. 1999. С.42.
- 10) Лем С. Мой взгляд на литературу. М.: АСТ. 2009. С.78.
- 11) Lem S. On the Structural Analysis of Science Fiction // Science Fiction Studies. 1973. №1. P.26.
- 12) Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М.: НЛЮ. 2009. С.12.
- 13) Чернышева Т. Природа фантастики. Иркутск: изд-во Иркутск. Ун-та. 1984. С.47-52.
- 14) Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного. М.: изд-во Моск. ун-та. 1999. С.11.
- 15) Knight D. In Search of Wonder: Essays on Modern Science Fiction. Gateway, 2013. P.1.
- 16) Westfahl G. The Mechanics of Wonder. Liverpool: Liverpool UP. 1998. P.12.
- 17) Rieder J. On Defining SF, or Not: Genre, SF, and History // Science Fiction Studies. 2010. №2. P.203.
- 18) Swales J.M. Genre Analysis. N.Y.: Cambridge University Press. 1990. P.9.